

Госпожа Сыту прищурилась от нахлынувших подозрений и посмотрела на Фань Сюэпина:

— Сюэпин, стой. Дай ей договорить.

Фань Сюэпин попытался вмешаться:

— Слова этой твари — сплошь ложь и наветы, нечего её слушать!

Линьюй лишь усмехнулась:

— Ложь, говоришь? Тогда взгляните-ка на это!

С тихим хлопком она обернулась птицей.

— Посмотрите на рану у меня на брюшке. Госпожа Сыту, подойдите ближе. Разве это не след от вашей фамильной Техники Меча Небесной Воды и Струящегося Шелка?

Присутствующие подались вперёд. Господин Хэнъю неловко кашлянул:

— Оперение, надо сказать, весьма густое...

Однако намётанный глаз госпожи Сыту сразу уловил суть. Раздвинув перья на брюшке птицы, она вскрикнула:

— Действительно! Это удар Меча Небесной Воды! К тому же рана рассечена веером... Подобный след оставляет лишь неповторимая воля меча Сяо Туна. Как это понимать?! Что здесь произошло?!

Линьюй вернула себе человеческий облик и поведала о том, что случилось в тот день.

— ... Я заслонила Фань Сюэпина собственным телом. Меч пронзил мне живот, и, воспользовавшись этим замешательством, он тяжело ранил Сяо Туна. Маленький дух меча упал на землю, не в силах даже пошевелиться. Он кричал: «Я любимое дитя моей матушки! Если ты тронешь меня, она жестоко отомстит!» Но Фань Сюэпин лишь безжалостно вырвал его первозданную пиллюлю. Облик Сяо Туна стал таять и вскоре окончательно растворился в воздухе.

С каждым словом лицо Фань Сюэпина становилось всё бледнее, теряя последние краски. Когда Линьюй умолкла, на него обратились тяжёлые, полные презрения и гнева взгляды.

Сыту Мин, содрогаясь от боли и ненависти, процедила:

— Фань Сюэпин... Как ты это объяснишь?!

Фань Сюэпин попытался выдавить из себя усмешку, хотя его губы мелко дрожали:

— Вы... неужели вы поверите этой твари? С каких пор честные заклинатели принимают на веру речи демонов?

— Но ты был её хозяином, — отрезала госпожа Сыту. — И в её рассказе нет ни единой нестыковки.

— Она ненавидит меня! — сорвался на крик Фань Сюэпин. — Неужели вы не понимаете?! Она затаила злобу за то, что я не сумел её защитить, и теперь пытается оговорить!

— Оговорить? — Глаза госпожи Сыту налились кровью от ярости. — Слова можно выдумать, но шрам на её теле не подделаешь!

— Действительно, Фань Сюэпин, — покачал головой господин Хэнъю, и на его лице отразилось глубокое разочарование. — Когда погиб Сяо Тун, Линьюй всё ещё оставалась твоим верным слугой. Рана была нанесена именно тогда. Зачем бы ей замышлять твою гибель задолго до того, как ты от неё отрёкся? К тому же... кто бы мог подумать, что ты заключишь союз с демоном!

Прижатый к стене Фань Сюэпин судорожно мотал головой, не зная, куда деться от позора:

— А как же подвеска для меча?! Она ведь принадлежит Хэ Сюэчжэню!

— Должно быть, ты сам подобрал её и подбросил сюда, чтобы отвести от себя подозрения?

— Я этого не делал!

Но против неопровержимых улик и живого свидетельства изувеченного духа его оправдания звучали жалко и нелепо.

Он упорствовал из последних сил, и на мгновение воцарилось тяжёлое молчание. Вдруг Фань Сюэпин зацепился взглядом за даоса Хуаньши:

— Брат Хуаньши! Ты же сам говорил, что убийца должен быть на полголовы выше меня! Значит, это не я! Слышите, не я!

Присутствующие переглянулись и устремили взгляды на даоса.

Хуаньши поспешно замахал руками:

— Поубавь пыл, приятель. Не надо называть меня братом, мне такие родственники даром не нужны.

Он подошёл к раненому стволу и с сомнением пробормотал:

— Действительно, странно... Выходит, либо дерево врёт, либо воробьиный демон лукавит.

Фань Сюэпин ухватился за эту соломинку, точно утопающий, и закричал:

— Дерево врать не может! Конечно, это она! Линьюй оболгала меня!

Линьюй лишь фыркнула:

— Хочешь сказать, ещё несколько месяцев назад я предвидела, что ты меня предашь, нарочно прибежала в Долину Цветов Дикой Сливы и подставилась под меч Сяо Туна, чтобы разыграть этот спектакль сегодня?

И тут даоса Хуаньши точно осенило:

— Всё понял!

Он повернулся к остальным:

— Дело не в обмане демона, нас запутало само дерево! Рана на стволе сейчас действительно находится на полголовы выше того уровня, на котором Фань Сюэпин наносил удар. Но я совершенно упустил из виду, что за прошедшие месяцы дерево просто-напросто подросло! С учётом этого, рост убийцы точь-в-точь совпадает с ростом Фань Сюэпина!

Пазл сложился. Лицо Фань Сюэпина окончательно превратилось в безжизненную маску.

Линьюй вновь обернулась пичугой и залилась победным, издевательским щебетом. Обезумев от ярости, Фань Сюэпин вскинул руку и послал в неё смертоносный разряд духовной энергии.

Птица легко увернулась и, приземлившись на ветку, шутливо захлопала крыльями по грудке, изображая испуг:

— Ах да, чуть не забыла! Господин Хэнью, ты ведь до сих пор уверен, что обязан Фань Сюэпину жизнью? А на самом деле тебя спасла твоя двоюродная сестра Хань Шуан! Представь себе, этот ничтожный червь просто присвоил её заслуги. Он мастер красть чужую славу!

Господина Хэнью точно громом поразило. Он уставился на Фань Сюэпина тяжёлым, требующим ответа взглядом. Тот лишь безвольно качал головой:

— Нет... это неправда. Она лжёт. Не верьте ей...

Призрачный силуэт воробьиного демона сорвался с ветки и растворился в вышине. Фань Сюэпин попытался ринуться следом, но дорогу ему преградила госпожа Сыту.

— Фань Сюэпин! — грозно выкрикнула она. — Куда собрался? Тебе больше нечего сказать в своё оправдание?

Сыту Мин растерянно пробормотала:

— Как же так...

Даос Хуаньши указал на свежую отметину, оставленную недавним ударом Фань Сюэпина:

— Посмотрите-ка. Этот свежий след как раз на несколько цуней ниже старого рубца. Пройдёт пара месяцев, дерево вытянется, и рана окажется ровно на той же высоте.

Хэ Сюэчжэнь, наблюдавший за сценой из укрытия, понял, что развязка близка, и бесшумно скользнул прочь.

Фань Сюэпин сам вырыл себе могилу. Не пытайся он оговорить Хэ Сюэчжэня, гибель маленького духа меча сошла бы ему с рук, как и в прошлой жизни. Но злоба затуманила его разум, и он не учёл одного: душа преданной им Линьюй уцелела и вернулась, чтобы свершить возмездие.

Даже если бы Хэ Сюэчжэнь не столкнулся с ними в лесу сегодня, исход не изменился бы. Рано или поздно Фань Сюэпин привёл бы разгневанных старейшин клана Сыту в Школу Наполненных Созвездий. И тогда Хэ Сюэчжэнь точно так же явил бы дух воробьиного демона, обелив своё имя.

Фань Сюэпин пал жертвой собственной подлости.

Лишь спустя несколько дней Хэ Сюэчжэнь неторопливо возвратился в родную обитель. Первое, что он заметил у ворот — смену караула. Старшего брата Дюци сурово наказали за проступок и с позором изгнали из ордена.

Очевидно, Хэ Чуншань пришёл в ярость из-за того, что Дюци посмел впустить супругов Фань без его ведома. Если уж несчастного привратника покарали с такой лёгкостью, то какова участь самих супругов? Хэ Сюэчжэнь решил, что при первой возможности отыщет их.

Среди учеников так и роились слухи. Госпожа Сыту явилась в орден с грозным требованием выдать убийцу, а господин Хэнъю, осознав глубину обмана Фань Сюэпина, вместе с даосом Хуаньши и остальными выступил на стороне обвинения. Однако глава ордена Хэ Чуншань до последнего покрывал своего любимца. Он хладнокровно заявил: пролил Фань Сюэпин кровь адепта клана Сыту, его бы не задумываясь предали казни. Но забрать первозданную пилюлю у безродного духа меча — обычное дело на пути самосовершенствования, не заслуживающее столь громкого скандала.

По законам духовного мира духи меча приравнивались к обычным питомцам, из-за гибели которых никто не стал бы поднимать шумиху. Кто же знал, что госпожа Сыту догадается

сокрыть угасающую душу родного дитя в теле Сяо Туна?

Спор затянулся на долгие дни. Упрямство, с которым Хэ Чуншань выгораживал мерзавца, лишило Чжао Чжэньчжэнь остатков терпения. Она яростно потребовала немедленно выгнать Фань Сюэпина из школы. Как раз в тот момент, когда Хэ Сюэчжэнь переступил порог главного зала, их ссора достигла апогея.

— Я давно говорила тебе прогнать этого негодяя! А ты продолжаешь выгораживать его! Хэ Чуншань, у тебя совесть есть?! — Голос Чжао Чжэньчжэнь дрожал от гнева. — Если бы не поддержка моей семьи, никогда бы тебе не видать места главы Школы Наполненных Созвездий! А ты платишь за добро чёрной неблагодарностью! Есть ли в тебе хоть капля человечности?!

Хэ Чуншань ненавидел эти упрёки больше всего на свете. Лицо его потемнело, взгляд стал ледяным:

— Подумаешь, убил духа меча! В поступке Сюэпина нет никакого преступления. Откуда ему было знать о его происхождении? Семья Сыту сама не уберегла свою диковину, а теперь смеет обвинять посторонних. Нелепость! Если я накажу ученика из-за такой чепухи, то все решат, будто Школа Наполненных Созвездий трепещет перед кланом Сыту!

— Клан Сыту — могущественная сила! Если ты навлечёшь их гнев, даже не надейся, что Даосский дворец Спокойной Мудрости станет прикрывать твою спину!

— Да сдался мне ваш дворец! — рявкнул Хэ Чуншань.

У Чжао Чжэньчжэнь от ярости перехватило дыхание, духовные каналы затрепетали, угрожая вырваться из-под контроля. Едва сдерживая искажение ци, она процедила:

— Хорошо же, Хэ Чуншань! Запомни мои слова: если сегодня ты не изгонишь Фань Сюэпина, я немедленно уйду и возвращаюсь в родительский дом!

— Счастливого пути! Удерживать не стану!

Когда Хэ Сюэчжэнь поспешил навстречу матери, она уже стремительно покидала покои главы. Заметив сына, Чжао Чжэньчжэнь всхлипнула, её глаза покраснели от подступивших слёз. Она крепко сжала его ладонь:

— Чжэнь-эр, мы уходим. Едем к твоему дедушке! Больше нам в этой паршивой школе ловить нечего!

Хэ Сюэчжэнь ничуть не удивился. Лицо его оставалось спокойным.

— Хорошо, матушка. Я соберу вещи.

Зажитки его были скромны. Он бережно уложил подаренные старейшиной Золотой защитный покров и защитное одеяние, после чего вместе с матерью направился к выходу из обители.

У главных ворот дорогу им преградили старейшины, пытаясь уговорить супругу главы одуматься. Но уязвлённая до глубины души Чжао Чжэньчжэнь оставалась непреклонной:

— Я вернусь только тогда, когда нога Фань Сюэпина покинет этот орден!

Пожилые заклинатели лишь беспомощно переглядывались. Им ничего не оставалось, кроме как проводить мать и сына сочувствующими взглядами.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона. Внезапно вечерний небосвод прорезали яркие росчерки — с десятков ослепительных искр устремились к земле. Хэ Сюэчжэнь прищурился. Следом за первой волной пронеслись ещё с десятков сияющих нитей, а затем ещё и ещё...

Чжао Чжэньчжэнь сжала его руку и уверенно произнесла:

— Идём. Это люди твоего дедушки. Они прибыли за нами.

Встав на духовные мечи, они поспешили к месту приземления гостей. На лесной поляне ровными рядами уже выстроилась сотня юных послушников. Впереди стояли двое зрелых заклинателей: один — преисполненный величия и строгости, второй — порывистый и лучезарный. Обоих природа наделила благородным обликом истинных мастеров Дао.

Заметив приближение беглецов, степенный даос шагнул вперёд и вежливо поприветствовал Чжао Чжэньчжэнь. Хэ Сюэчжэнь почтительно поклонился:

— Приветствую вас, старший дядя.

Эти мужи приходились Хэ Сюэчжэню родными дядьями по материнской линии. Старшего звали Чжао Наньсин, а младшего — Чжао Цзычэнь.

Чжао Цзычэнь с ходу подскочил к племяннику, легко подхватил его под колени одной рукой и высоко поднял, точно малого ребёнка:

— Надо же, как вытянулся! Не успел я оглянуться, а ты уже взрослый муж! Этот пёс Хэ Чуншань посмел обидеть нашего мальчика? Ну ничего, младший дядя быстро вправит ему мозги!

Чжао Наньсин строго нахмурился и осадил брата:

— Попридержи коней, Цзычэнь. Чжэньчжэнь без сил. Сначала вернёмся в обитель, а уж после

будем судить да рядить.

Старший дядя бережно усадил сестру в крытый паланкин. Хэ Сюэчжэнь, всё ещё висевший на плече жизнерадостного Чжао Цзычэня, отчаянно заерзал от неловкости и поспешил перебраться в соседнюю повозку. Чжао Наньсин взмахнул белоснежной мухоголкой-фучэнем, и весь караван, взмыв в чернеющее небо, обратился в поток сверкающих искр.

Несколько суток, проведённых на ногах в постоянном напряжении, дали о себе знать — веки Хэ Сюэчжэня потяжелели, и вскоре он погрузился в глубокий сон. Чжао Цзычэнь бесшумно заглянул в его повозку. Убедившись, что племянник крепко спит, он лёгким движением руки сотворил защитный купол, гасящий посторонние звуки.

Юноша едва заметно шевельнулся во сне, не размыкая век. Мягкий звёздный свет скользил по его безупречному лицу — точёным скулам, белейшей коже и прямому носу. В его облике удивительным образом сочетались мужественная строгость и тонкое, почти неземное изящество. С закрытыми глазами он казался безмятежным, а былая холодность и решимость спрятались, словно клинок в узорные ножны. Ночное небо оттеняло его красоту, заставляя черты лица слабо светиться в полумраке.

Чжао Наньсин приподнял полог и тоже взглянул на племянника с тихой нежностью. Чжао Цзычэнь негромко цокнул языком:

— Ох, упустил парень из клана Цуй своё счастье. Вот вернёмся во дворец, и наши юные послушники растеряют всю свою даосскую сосредоточенность от одного взгляда на этого красавца.

Чжао Наньсин укоризненно покачал головой:

— Вечно ты мелешь чепуху. Мы — люди Писания и Дао, к чему эти праздные разговоры о мирской красоте?

Когда повозки остановились для короткой передышки, братья подошли к паланкину Чжао Чжэньчжэнь.

— Сестрица, — мягко обратился к ней старший. — В своём письме ты почти ничего не объяснила. Расскажи нам, что натворил этот нечестивец?

Хэ Сюэчжэнь очнулся от сна лишь тогда, когда караван прибыл к воротам Даосского дворца Спокойной Мудрости. Потянувшись, он выглянул наружу — край горизонта уже окрасился нежно-серым предрассветным сиянием.

Лица его дядьев за время пути помрачнели — судя по всему, матушка поведала им о коварстве и неблагодарности Хэ Чуншаня.

Процессия плавно опустилась на главную площадь дворцового комплекса. В тот же миг из

каменных плит бесшумно поднялся гигантский мраморный диск с изображением великого предела — Тайцзи. На нём возвышались десять старейшин во главе с немолодым даосом. Величественная осанка и одухотворённый лик выдавали в нём бессмертного мастера, а чертами лица он разительно походил на возмужавшего Чжао Цзычэня.

У подножия диска стройными рядами застыли десять тысяч учеников. Все как один в белоголубых даосских одеяниях — это море одинаковых фигур, замерших в благоговейном безмолвии, являло собой поистине грандиозное зрелище.

Чжао Чжэньчжэнь сошла на плиты площади. Хэ Сюэчжэнь последовал за ней вместе с младшим дядей. Вчетвером они приблизились к почтенному мастеру. Это был великий владыка дворца и родной дед юноши — Чжао Доучун.

Почтенный старец, давно не видевший внука, окинул его заботливым взглядом, в котором сквозила искренняя теплота.

— Чжэнь-эр, дитя моё, — негромко спросил он. — Не беспокоил ли тебя демонический яд в последнее время? Твой дедушка вылепил для тебя ещё три первозданные пилюли. Позже я велю твоему старшему дяде принести их.

Юноша с благодарностью склонил голову. Покончив с приветствиями, мать и сын наконец смогли вздохнуть спокойно и обосновались в тихих чертогах Даосского дворца Спокойной Мудрости.

Узнав, каким нападкам подверглась его дочь, Чжао Доучун пришёл в неопределимую ярость. Сверкая глазами, старик вознамерился немедленно лететь в Школу Наполненных Созвездий и собственноручно переломать Хэ Чуншаню кости. Чжао Цзычэнь с готовностью засучил рукава, готовый поддержать отца, но старший брат, Чжао Наньсин, вовремя перехватил обоих и мягко усадил обратно.

— Отец горяч, но тебе-то, младший брат, зачем масло в огонь подливать? — рассудительно произнёс Чжао Наньсин. — Избить Хэ Чуншаня — дело нехитрое. Но подумали ли вы, сможет ли после этого наша сестра вернуться к мужу? Насилием мы лишь заведём дело в тупик.

— И что ты предлагаешь, брат? — насупился Чжао Цзычэнь.

— Пусть Чжэньчжэнь поживёт у нас, успокоится. А через пару недель мы тайно отправим верного человека разузнать, что шепчутся в тех краях.

Пока старшие держали совет, Хэ Сюэчжэнь не стал вмешиваться. Он достал припасённые сокровища — Золотой защитный покров и защитное одеяние — и поднёс их дядям.

Золотой покров, некогда полученный от старейшины Школы Наполненных Созвездий, обладал великой мощью, а тончайшее парчовое одеяние и вовсе превосходило его по свойствам. Дядя,

однако, наотрез отказались принимать столь ценные дары. Чжао Наньсин бережно отвёл руку племянника:

— Оставь это себе, Чжэнь-эр. В странствиях тебе не раз понадобится надёжная защита.

Хэ Сюэчжэнь лукаво прищурился:

— Неужели мои подношения кажутся вам слишком скудными?

— Что ты! — испугался старший дядя. — Как можно такое подумать...

— Тогда примите их. Я выбирал эти вещи с мыслями о вас. А если откажетесь, я соберу вещи и уйду из дворца прямо сейчас.

Братья беспомощно переглянулись и с улыбкой уступили упрямому юноше.

— Пообещайте, что будете носить их не снимая, — напутствовал их Хэ Сюэчжэнь. — Для меня это очень важно.

Чжао Цзычэнь весело покачал головой:

— Ну и характер у тебя! Сладу с тобой нет.

Они послушно облачились в подаренные доспехи прямо под свои широкие халаты.

Лишь теперь Хэ Сюэчжэнь почувствовал, как с души спал тяжкий груз. Тем временем в оставленной ими Школе Наполненных Созвездий закипали нешуточные страсти.

Желание Хэ Чуншаня выгородить любимого ученика натолкнулось на глухое сопротивление. Школа Наполненных Созвездий была слишком велика, чтобы её глава мог править единолично. Орден раскололся: верные приспешники Хэ Чуншаня безоговорочно приняли его сторону, тогда как более благоразумные старейшины, не желая навлекать гнев могущественного клана Сыту, требовали сурово наказать Фань Сюэпина и принести публичные извинения.

Первый старейшина стоял во главе тех, кто требовал справедливости.

В один из вечеров Первый старейшина вернулся в свою уединённую обитель после затянувшегося совета. Цю Хуало, едва закончив вечернюю медитацию, по обыкновению пришёл засвидетельствовать почтение наставнику. Заметив, что взгляд старика блуждает, а сам он глубоко погружён в думы, юноша не сдержал любопытства:

— Учитель, зачем вас призывал глава? Неужели он вновь пытался принудить вас уступить в деле Фань Сюэпина?

Старейшина на миг словно застыл, его взгляд подёрнулся странной туманной дымкой, но уже в следующее мгновение он сухо ответил:

— Фань Сюэпин ни в чём не виноват. Наша школа — великая сила в Поднебесной, и нам негоже преклонять колени перед каким-то кланом Сыту.

Цю Хуало ошеломлённо замер:

— Но... учитель, ещё вчера вы придерживались совершенно иного мнения!

— Мнения людей изменчивы, — отрезал наставник. — Поразмыслив, я пришёл к выводу, что заклятие духа меча ради его первозданной пилюли — обычное дело среди заклинателей. Сыту Мин сама виновата, что не уберегла своего слугу. С какой стати мы должны пресмыкаться перед ними лишь потому, что они решили поднять шум?

Нехорошее предчувствие шевельнулось в груди Цю Хуало. Он пристально вгляделся в лицо учителя и внезапно вздрогнул: меж бровей Первого старейшины на краткий миг скользнула едва заметная струйка зловещего чёрного тумана. Юноша потрясённо моргнул, сию же минуту рассмотреть её ближе, но след уже бесследно растворился.

— Учитель... — тихо позвал он.

Старейшина мягко улыбнулся привычной, отцовской улыбкой:

— Ступай, дитя. Тебе пора возвращаться к медитации. В следующем месяце состоится твоё посвящение в ученики золотой ступени. Смотри не опозорь меня перед всем орденом.

Тон наставника звучал до того обыденно и тепло, что тревожные мысли Цю Хуало понемногу рассеялись. Склонившись в почтительном поклоне, он развернулся и покинул покой.

<http://bllate.org/book/18268/1750897>